

Посвящается моей матери — Джаянти Маджумдер

Интересно было то, что суть дискуссии [о литературе Найроби] оставалась неизменной: все стороны сходились во мнении о необходимости включения африканской, европейской и других литературных традиций. Но что станет центром? А что — периферией, так сказать? Каков будет характер отношений между центром и периферией? Таким образом, вопрос об отправной точке, проблемы выбора перспективы и критериев релевантности в целом изменяли представления о значимости и взаимосвязи этих частей света.

*Нгуги Ва Тхионго. В поисках релевантности.
Деколонизация сознания*

Предисловие

В книге «Эстетика восстания: искусство на службе освобождения (Мировая литература и периферия)» утверждается, что периферийный интернационализм открывает радикально новую перспективу для осмысления мировой литературы. Несовпадающее с западной традицией гуманистическое и интернационалистское творческое воображение, формировавшееся на периферии, активно включалось в борьбу субалтерных групп, а широкий спектр эстетических форм противостоял культурному национализму. В данной работе я прослеживаю развитие идей периферийного интернационализма в различных жанрах, — художественной литературе, кино, театре, мемуарах и эссе — опираясь на контекстуальный анализ англоязычных и бенгальских текстов. Главы книги посвящены как признанным, так и относительно малоизученным авторам: Рабиндранату Тагору, М. Н. Рою, Мриналу Сену, Махашвете Деви, Арундати Рой и Аравинду Адиге.

Книга «Эстетика восстания» выстраивает транснациональные связи между Индией и такими регионами, как Мексика и Советский Союз 1920–1930-х годов; Вьетнам, Куба и Конго 1960–1970-х; а также современный Китай и Соединенные Штаты. Я рассматриваю, каким образом литературные тексты выявляют маргинализированные группы за пределами национальных границ, преобразовывают доминирующие исторические нарративы в локальные и провинциальные, а также формулируют особую, но взаимосвязанную проблематику периферийной литературы. Эти взаимодействия формировали — а порой и радикально трансформировали — автохтонные эстетические традиции. Таким образом, не только отдельные авторы, но и культурные

формы — от вернакулярной и англоязычной художественной прозы до театра и кино — развивались в глобальном контексте через постоянный диалог друг с другом. Примечательно, что целый круг малоизученных писателей за пределами «Запада» черпали эстетическое вдохновение главным образом друг у друга, а не в имперских центрах. Это принципиально важно для избавления от предубеждения о том, будто представители колонизированных народов всегда писали исключительно «в ответ» или «в оппозицию» своим бывшим «хозяевам». В определенном смысле эти авторы маргинализировали старый центр, чтобы утвердить в качестве нового центра периферию.

Периферийный интернационализм, в свою очередь, существенно отличается от того, что сегодня принято обозначать как «мировая литература». Если последняя делает акцент на «пост-национальной» глобализации, то периферийный интернационализм утверждает важность национального суверенитета и самоопределения. Интернационализм поставил интеллектуалов и писателей в оппозицию не только к бывшему имперскому центру, но и к национальным элитам постколониальных государств, что сегодня приобретает исключительное этическое и творческое значение. Категории модернизма и реализма также не сводились к вопросам личного художественного выбора, вкуса или моды. Скорее, они были тесно связаны с мощными идеологическими движениями и острыми социальными конфликтами как в локальном, так и в глобальном измерении. Я полагаю, что осмысление этих категорий через призму вернакулярного интернационализма ставит под сомнение свойственные для англоязычного мира представления о глобальном и космополитическом. Действительно, рассматривая культуру как пространство освободительной борьбы на периферии, мы возвращаемся к ключевому вопросу современной гуманитарной теории: что значит быть человеком? В противовес критико-теоретическим подходам, сосредоточенным на «пост-» и «не-человеческом», художественные и политические движения в большинстве стран мира продолжают расширять горизонты гуманистической эмансипации. «Мятежное искусство», не будучи

привязано к либерально-просветительской модели «целостного Я», тем не менее свидетельствует о возможности прогрессивного социального преобразования. Это прямо противостоит пессимистическим представлениям о постчеловеческом настоящем, где не остается пространства для человеческой агентности.

Кроме того, книга привлекает внимание к периферийному модернизму и реализму в контексте одного из автохтонных языков — бенгальского (второго по числу носителей в Южной Азии после хинди и седьмого в мире), а также к его сложному влиянию на англоязычные литературные произведения. Бенгальский язык занимает парадоксальное положение в англо-американских культурных исследованиях, которое моя работа стремится прояснить: с одной стороны, такие ведущие постколониальные теоретики, как Ранаджит Гуха, Гаятри Спивак, Парта Чаттерджи и др., обращаются к бенгальским материалам XIX века для обоснования своих подходов к колониальному дискурсу; с другой — богатая история бенгальского интернационализма XX века и разнообразное влияние на него антиколониальных течений России, Китая и стран третьего мира, особенно ярко проявившиеся в литературе, практически не известны англо-американской аудитории. Обращаясь к интернационалистской литературе (Махашвета Деви, Самареш Басу, Маник Бандопадхьяй и др.) и ее взаимодействию с театром и кино (Биджан Бхаттачарья, Утпал Датт, Мринал Сен и др.), я стремлюсь осветить важнейшие моменты эстетического развития в Южной Азии, резонирующие с параллельными культурными процессами в Азии, Латинской Америке, Африке и других регионах периферийного мира.

В первой главе я предпринимаю попытку переосмыслить понятие мировой литературы с особым акцентом на периферийные регионы. Рассматривая политически насыщенное поле интеллектуальной истории, я утверждаю, что, во-первых, гуманистическое воображение стало ключевой темой дискуссий уже в начале XX века, а во-вторых, антиимпериалистические движения подчеркивали роль творческого воображения в формировании альтернативного образа мира. В рамках этой интернационалист-

ской ситуации в главе анализируется пересечение двух программных текстов: основополагающей лекции Рабиндраната Тагора о «Мировой литературе» (1907) и выступлений Мао Цзэдуна о литературе и искусстве в Яньани (1942). Сопоставление этих речей позволяет по-новому взглянуть на широко обсуждаемую концепцию Фредрика Джеймисона о «литературе третьего мира как национальной аллегории» (1986), расширяя рамки существующей критики. Я утверждаю, что подобная перспектива усложняет устоявшееся разграничение между антиколониальной литературой XX века, постколониальной традицией и литературой эпохи глобализации.

Вторая глава посвящена малоизученному литературному жанру — мемуарам. Я уделяю особое внимание текстам Манабендры Натха (М. Н.) Роя — странствующего интеллектуала и политического активиста. Исследуя его многостороннее вовлечение в движение черного радикализма в США начала XX века, а также в антиколониальные инициативы в Мексике, Советском Союзе, Китае и Германии, я анализирую его автобиографический труд «Мемуары» («Memoirs», 1964), чтобы показать, как политика антиколониального интернационализма находит выражение в литературной форме. Рой активно участвовал в дебатах Коммунистического интернационала, в ходе которых стал известен своей полемикой с В. И. Лениным по поводу «Национального и колониального вопросов». В рамках своей критики культурного национализма в Индии он также предложил оригинальную трактовку взаимосвязи расы и касты. Будучи одной из знаковых фигур межвоенной эпохи, Рой в работе «Новая Индия» («India in transition», 1922) сформулировал идеи, ставящие под сомнение как евро-американский универсализм, так и влиятельную парадигму деколониальности, трактующую постколониальный национализм преимущественно через его культурную инаковость по отношению к Западу.

В третьей главе исследуется региональное индийское кино за пределами Болливуда. Я рассматриваю изображение городских протестов в фильме Мринала Сена «Калькутта 71» (1972). Так называемые городские фильмы Сена представляют собой нова-

торские эксперименты как по своей стилистической форме, так и в контексте антиколониальной теории. Эти фильмы явно восходят к латиноамериканскому течению «Новое кино» (порт. *Cinema Novo*), а особенности — к духу «Несовершенного кино» (исп. *Cine Imperfecto*) и «Третьего кинематографа» (исп. *Tercer Cine*), получивших широкую известность благодаря, соответственно, кубинцу Хулио Гарсии Эспиносе и аргентинцам Фернандо Соланасу и Октавио Хетино. Наряду с этим творчество Сена в равной степени пронизано влиянием бенгальской городской литературы — в том числе поэзии Джибанананды Даса и прозы Маника Бандопадхьяя, Самареша Басу и других авторов. Киноязык Сена формирует концептуально смелые отношения между кинематографом, литературой и политикой. Он автор того, что я называю люмпенской эстетикой — подход, который переосмысляет уничижительный термин «люмпен» (в значении маргинализированных слоев бедноты) как аналитическую категорию периферийного общества. Это кино, которое способно адекватно отобразить город и выявить его характерные периферийные противоречия.

В четвертой главе рассматриваются репрезентации племенных (*адиваси*) движений в произведениях двух выдающихся индийских писательниц: Махашветы Деви и Арундати Рой. Красноречивое публицистическое эссе Рой «Прогулка с товарищами» («Walking with the Comrades», 2011) вызвало широкий общественный резонанс в Индии благодаря сочувственному изображению в нем мятежных племенных активистов. Я полагаю, что основным источником вдохновения для Рой послужил более ранний рассказ Махашветы Деви «Драупади» («Draupadi», 1978). Эта история о племенной женщине-лидере Допди Мехен получила широкое распространение в постколониальной литературе благодаря переводу на английский, выполненному Гаятри Чакраворти Спивак. Однако международное признание рассказа Деви редко учитывает сложный историко-культурный контекст ее создания: от холодной войны и противостояния за региональную гегемонию между советским и американским блоками в Южной Азии до влияния антивоенного народного театра 1960-х годов, включая

постановки о Вьетнаме и движении «Черных пантер», а также глубокую связь Деви с традицией прогрессивной бенгальской женской прозы. В этой главе прослеживается диалог между рассказом Деви на бенгальском языке и эссе Рой на английском через призму множества малоизвестных (для англоязычного мира) источников. На этом фоне демонстрируется, как разнообразные народные движения за права *адиваси* и этнических меньшинств продолжают оказывать влияние на развитие жанра креативного нон-фикшена в наши дни.

Пятая глава обнаруживает неожиданный источник размышлений о кастовой и классовой политике в англоязычном романе Аравинда Адиги «Белый тигр» («The White Tiger», 2008), который на первый взгляд сосредоточен на теме индивидуального карьерного успеха. Я предлагаю рассматривать этот текст как переосмысление образов сельских активистов из низших каст, представленных через пародии и формальные аллюзии. Эти фигуры регулярно появляются на периферии сюжета, однако их контрапунктное значение в большинстве интерпретаций остается нераскрытым. Глава предлагает новое прочтение подспудных смыслов, подтачивающих видимый лишь на поверхности нарратив романа о «новой Индии». Я показываю, что в тексте задействованы традиции протестного романа, эпистолярного жанра, модернистской и автохтонной сатиры — и все они апеллируют к подавленным нарративам периферийного интернационализма. Такой подход позволяет по-новому осмыслить трансформирующуюся роль интернационализма в Индии XXI века, где деревенское и субалтерное оказались практически исключены из культурного дискурса.

В заключительной шестой главе приводится обзор вклада данной книги в современные исследования незападной мировой литературы и интеллектуальной истории. В ней представлена критическая переоценка гуманизма и литературной формы, а также обозначены возможные направления для их пересмотра и расширения исследовательского горизонта. Я рассматриваю модерн XX века как систему взаимосвязанных и при этом асимметричных отношений между метрополией и глобальной

периферией. Эти отношения продолжают формировать мир XXI века и оказывать влияние на борьбу за освобождение в интересных, подчас неожиданных формах.

Некоторые фрагменты из главы 1 ранее публиковались как:

— Majumder A. World Literature, the *Geist* and the East, 1907–1942 // History, Imperialism, Critique: New Essays in World Literature / Ed. by A. Ghaffar. New York: Routledge, 2018. P. 13–28;

— Majumder A. The Case for Peripheral Aesthetics: Fredric Jameson, the World-System and Cultures of Emancipation // Interventions. 2017. Vol. 19. No. 6. P. 781–796.

Эти материалы были переработаны для настоящей книги.

Благодарности

Я выражаю глубокую благодарность Кристал Бартолович, Кее Гангули, Тимоти Бреннану и Субхо Басу, которые поддерживали этот проект в решающие моменты. Я также признателен (в алфавитном порядке) Налини Айер, Сьюзан Андраде, Амиту Р. Байшье, Сандипу Банерджи, Прадипу Басу, Дипике Бахри, Крэйгу Брандисту, Маршаллу Брауну, Николасу Брауну, Рашми Варме, Джерарду Х. Гаскину, Амлану Дас Гупте, Шарай Декард, Манану Десаи, Пранаву Джани, Филиппу Кайсари, Сувиру Каулу, Ании Лумбе, Дону Митчеллу, Дону Мортону, Зобайде Насрин, Монике Попеску, Ниманти Раджасингхам, Амритджиту Сингху, Гаятри Чакраворти Спивак, Ахсану Хабибу, Салимулле Хану, Дэниэлу Хартли, покойному Дипанкару Чакраборти, Мриналини Чакраворти, Сераджулу Исламу Чоудхури, Суприе Чоудхури и Генри Шварцу. Щедрую поддержку мне также оказали мои коллеги из Хьюстона: Хосам Абуль-Эла, Марго Бакус, Джейсон Бергер, Пол Батлер, Линн Воскуил, Читра Банерджи Дивакаруни, Чатвара Дюран, Лоис Замора, Лорен Зенц, Джеймс Кастели, Энн Кристенсен, Себастьян Лекур, Кит Макнил, Алекс Парсонс, Кавита Сингх, Роберто Техада, Седрик Толливер, Карен Фанг и Сара Элерс. Наконец, я в долгу перед моей партнершей — Среей Чаттерджи: это ее книга в той же мере, что и моя. Великий Уолтер Родни однажды заметил, что приписывать — в предисловии книги — все ошибки и упущения исключительно себе — проявление «чистейшего буржуазного субъективизма»: в данном случае избежать этого невозможно.

Архивная работа стала возможной благодаря поддержке кафедры английского языка и литературы, а также Колледжа искусств и социальных наук Хьюстонского университета. Я выражаю

благодарность сотрудникам Архива современной истории им. П. Ч. Джоши в Нью-Дели, работникам Национальной библиотеки и библиотеки Little Magazine, а также специалистам Исследовательского центра в Калькутте. Я благодарен Рэю Райану, выпускающему редактору и анонимным рецензентам издательства Кембриджского университета.

This translation was made possible by grants from the University of Houston English Department's McNamara Translation Fund, the Martha Gano Houston Fund, and the College of Liberal Arts and Sciences' Book Completion Grant. (Данный перевод стал возможен благодаря грантам Фонда переводов имени Макнамары кафедры английского языка и литературы Хьюстонского университета, Фонда Марты Гейно Хоустен, а также гранту на завершение книги, предоставленному Колледжем искусств и социальных наук.)

Глава 1

Периферийные интернационализмы

Дух и Восток

Идея всемирной литературной республики насчитывает в Европе долгую историю. Ее контуры можно различить уже в сочинениях Данте в XIV веке, Эразма Роттердамского и Томаса Мора в XVI, а позднее — у Гёте, Маркса и Энгельса в XIX столетии. Однако лишь в XX веке эти интеллектуальные обещания были реализованы и развернуты в глобальном масштабе. Последнее, по всей видимости, включает такие события, как открытие издательства «Всемирная литература» в Советском Союзе в 1918 году, основание Ассоциации прогрессивных писателей Индии в 1936 году, а также Ассоциации писателей стран Азии и Африки, сформированной в Шри-Ланке в 1958 году и формализованной в Египте в 1962 году. Эти институции и идеи, которые они отражали, хоть и малоизвестны сегодня, представляют собой обширное наследие антиколониальной теории и литературы. Разнообразные манифесты этих традиций выражают аспекты народного гуманистического видения — от основополагающей лекции о *вишва-сахитье* (всемирной литературе) индийца Рабиндраната Тагора (1907) и эссе «Рассказ или описание» (1936) венгра Дьёрдя Лукача до выступления на Яньаньском форуме по литературе и искусству китайского лидера Мао Цзэдуна (1942), статьи «Филология мировой литературы» (1952) немца Эриха Ауэрбаха и программного текста «Об упразднении факультета английско-

го языка» (1972) кенийской группы авторов во главе с Нгуги Ва Тхионго, написанного в соавторстве с Табаном Ло Лийонгом и Генри Овуор-Аньюмбой. Я упоминаю национальности этих авторов, представляющих самые различные позиции, чтобы проиллюстрировать глобальный масштаб их размышлений и размах диалога, в который они вступают. В широком смысле в этих работах можно заметить особое внимание к сосуществованию имперских и колонизированных культур; акцент на устной, народной и фольклорной традиции; единство мысли и действия; и, что особенно важно, утверждение творческой, целеустремленной человеческой агентности как ключевого фактора социального преобразования.

В своей книге «Borrowed Light: Vico, Hegel, and the Colonies» (2014) Тимоти Бреннан показывает, как итальянский мыслитель XVIII века Джамбаттиста Вико предвосхитил — и во многом описал — гегелевскую концепцию *духа* (*Geist*) как самореализацию человеческой свободы. Именно Вико полагал, что изначальное знание человека выражается в устной мифологии и поэзии (то есть в литературе) и что именно воображение, а не позитивистская наука или инструментальный разум, составляет подлинную движущую силу социальных и политических изменений. Ключевой методологической опорой у Бреннана я считаю его прочтение философии модерна через категорию *агона*, или процессуального конфликта¹. Имеется в виду нечто имманентно присущее различным философским способам видения мира, часто остро осознаваемое самими философами, — это методологическая «война позиций»: не внешне навязанные априорные

¹ В своей книге «Borrowed Light» Т. Бреннан представляет Дж. Вико как в значительной степени непризнанного концептуального предшественника и важный источник вдохновения для западного марксизма межвоенного периода. Особое внимание автор уделяет малоизученному аспекту наследия Э. Саида — его интеллектуальной близости к Вико. Бреннан переосмысляет один из уникальных вкладов Саида: роль языка и литературы в формировании, а не просто отражении имперского господства и антиколониального сопротивления. На мой взгляд, работа Бреннана открывает новое исследовательское поле, переопределяя связи и расхождения между гуманистическим марксизмом и постколониальной теорией.

установки, а логическое развитие внутренних напряжений и противоречий. Это подразумевает постоянную переоценку интеллектуального наследия, в том числе даже отказ от него. Именно такая практика чтения лежит в основе знаменитой гегелевской процедуры установления истины, которая требует критического прочтения через отрицание и без предварительных предпосылок. Если концепция Просвещения, предлагаемая Вико и Гегелем, в равной степени бросала вызов картезианской рациональности и ницшеанской онтологии, — три различных направления, далекие от устоявшегося мнения о монолитности Просвещения, — то делала она это через категорию *труда*. Здесь труд понимается в широком смысле, — согласно идеям Гегеля, — как намеренная, целенаправленная человеческая деятельность.

Подобные концепции отнюдь не сводятся только лишь к европейской мысли XVIII века; напротив, они оказали заметное влияние на широкий круг мыслителей XIX и XX столетий, которые активно их переработали². В этой главе через призму взглядов Вико и Гегеля исследуются концептуальные пересечения западного марксистского мышления — где гуманизм и коллективное устное воображение выступают парными лейтмотивами — с идеями антиколониальных интеллектуалов, чья критика классового и иностранного господства также во многом схожа с концепцией Вико. Мыслительная активность человека формирует политическое и эстетическое сопротивление, которое я называю «мятежным творчеством» («insurgent imagination»). При этом рациональное мышление, присущее *Geist* (в пер. с нем. «дух»). — *Прим. ред.*), не противопоставляется воображению и не сводится к экономической модели *homo economicus*.

² В исследовании «Archaeology of Babel» С. Ахмед связывает становление «новой филологии» в XVIII веке с трансформацией представлений о всемирной истории и сравнительной литературе. Ключевой фигурой в этом контексте выступает филолог и полиглот У. Джонс (1748–1794) — автор концепции индоевропейских языков и основатель Азиатского общества Бенгалии. Именно британские ориенталисты, по мнению Ахмеда, сыграли ключевую роль в формировании так называемого Бенгальского Возрождения XIX века, наиболее ярким представителем которого стал Р. Тагор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru